

СОБЫТИЯ ПРОШЛОГО В ДИСКУССИЯХ НАСТОЯЩЕГО ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА В БРИТАНИИ “ЭПОХИ ПЕРЕМЕН”*

Рубеж XX–XXI вв. был отмечен появлением “мемориальной парадигмы”, в рамках которой образы прошлого выступают как интерпретационные модели, позволяющие индивиду и социальной группе ориентироваться в ситуациях настоящего. В фокусе внимания исследователей оказались вопросы, связанные с соотношением истории, памяти и идентичности, с изучением типов исторического сознания и “исторической политики”. Ставится задача включить в актуальную перспективу «истории памяти» конкретных исследований исторической и политической культуры Нового времени. С этой позиции автор размышляет о новой книге известного российского историка-англоведа Марины Павловны Айзенштат, посвященной роли мифов и знаний о прошлом в политической культуре Британии второй половины XVIII века¹.

Ключевые слова: Британия, XVIII век, образы прошлого, историческая культура, власть, оппозиция, парламентская полемика, пресса, политическая культура

Общеизвестно, что почти каждое событие уже мгновение спустя после того, как оно свершилось, может быть истолковано по-разному – с позиции толкователя и в перспективе текущего момента. При этом главную роль играет не столько само событие, сколько представление о нем, его мысленный образ, в который вкладывается важный для общественного сознания смысл. Событию зачастую приписывается значение, которого оно не имело, оно превращается в миф или в символ и именно в таком виде входит в «историю», а точнее – в содержание исторической культуры общества или социальной группы.

Начало разработки проблем исторической культуры в европейской историографии относится к 1980-м гг., когда французским историком Бернаром Гене были намечены оригинальные пути исследования феномена исторической культуры на средневековом материале. Утверждая, что социальная группа, общество, цивилизация определяются прежде всего их памятью, их собственной историей, Гене подчеркивал, что его интересуют не столько историки и их труды, сколько их читатели, а еще больше – историческая культура². В другой концептуализации изучения исторической культуры, с ее несводимыми друг к другу составляющими (политической, когнитивной, эстетической), предполагает анализ всех многообразных форм проявления и использования исторического опыта в жизни общества, всех случаев т.н. «присутствия»

---

* Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00186 «“Культура Духа” vs “Культура Разума”: Интеллектуалы и Власть в Британии и России в Эпоху перемен»).

¹ Рец. на кн.: Айзенштат М.П. Историческое знание в политической культуре Британии второй половины XVIII века. М., 2019. Автор книги – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

² Гене 2002: 19 (русский перевод книги Гене вышел в свет только в начале 2000-х).

прошлого в повседневной жизни³. Историческая культура выражается как в текстах, так и в общепринятой форме поведения (включая способ разрешения конфликтов через отсылку к признанному историческому образцу), поскольку представления о прошлом являются «частью ментального и вербального фонда того общества, которое использует их, пуская в обращение среди современников посредством устной речи, письма и других средств коммуникации»⁴. Такое смещение исследовательской перспективы выводит анализ исторической культуры за рамки исторических сочинений, подчеркивая ее коммуникативную природу⁵.

В отечественной историографии концепция исторической культуры складывалась в связи с разработкой категории исторического сознания⁶, долгое время оставаясь в ее тени, и была выдвинута на первый план относительно недавно, но именно в новейшей российской историографии в центр внимания были поставлены вопросы о путях взаимопроникновения исторического знания и обыденных представлений о прошлом в рамках исторической культуры той или иной эпохи⁷. Тем не менее, приходится констатировать, что и сегодня, при огромном и все возрастающем интересе к исторической памяти в ее связке с проблемой формирования индивидуальных и коллективных идентичностей⁸, коммуникативные пространства исторической культуры (в их конкретном воплощении) все еще представляют малоизученную область исследования. В этом плане книга М.П. Айзенштат, ведущего специалиста по политической истории Англии Нового времени⁹, приобретает особое значение. Согласимся с автором в том, что «исследование разнообразных и разноплановых проявлений связи исторического знания и политики позволяет не только раздвинуть границы традиционных подходов к анализу британской политической истории, но и существенно расширяет возможности изучения состояния и форм проявления исторического знания в обществе на различных этапах его истории» (с. 6-7).

В соответствии с этим базовым тезисом и принятым определением понятия «политическая культура»¹⁰ выстроена композиция книги, в ко-

³ Rüsen 1994: 5-7.

⁴ Woolf 2003: 9-10.

⁵ Woolf 1997: 55-56. Заключительный раздел этой, во многом программной, статьи Д. Вульфа так и называется «От историографии к исторической культуре».

⁶ См.: Барг 1987.

⁷ Ретина 2006.

⁸ Об исторической культуре как совокупности различных дискурсивных стратегий и интерпретаций прошлого, придающих историческому знанию инструментальный характер см., напр.: Тишков 2011.

⁹ См., прежде всего, фундаментальную монографию: Айзенштат 2009, а также серию статей, из которых особо отметим: Айзенштат 2016; 2019(6).

¹⁰ В обоснованно принятой автором концепции «политическая культура» выступает как «совокупность политических представлений, взглядов, убеждений и идей; моделей поведения, посредством которых осуществлялось вхождение индивидуума в политику и его деятельность в ней», и такой подход объясняется «единством политического сознания, убеждений и ценностей, а также политического действия» (с. 12).

торой от начала до конца (поэтапно, в хронологической последовательности) роль представлений и знаний о прошлом в формировании мировоззрения (на основе прецедентного права), в политической идеологии, парламентской риторике, повседневной жизни, в частном и публичном поведении представителей политической нации рассматривается в конкретных контекстах сложных общеполитических процессов с точной привязкой к динамичному событийному ряду и на уровне всех властных институтов – короны, двора, правительства, парламента с его меняющимися проправительственными и оппозиционными группировками. При этом непосредственная связь политической культуры с историческим опытом, с памятью о социально-политических кризисах, конфликтах и компромиссах не только недавнего, но и отдаленного прошлого, с наибольшей очевидностью представлена непререкаемыми апелляциями противоборствующих сторон (как практиков-политиков в парламентских речах и дебатах, корреспонденции и мемуарах, так и интеллектуалов-теоретиков, а точнее идеологов, в публицистике, философских трактатах, литературных произведениях и собственно исторических текстах) к событиям периода «Великого мятежа» и Славной революции, а также к Magna Carta и мифологической «древней конституции». По существу, политизация прошлого происходила в контексте защиты прав парламента, с одной стороны, и прерогатив короны, с другой.

Оценив прошлое как инструмент политической практики и фактор размежевания сил в событиях Славной революции и в противостоянии парламентских «партий» и их перегруппировок в первой половине XVIII столетия, М.П. Айзенштат приходит к выводу, который определяет в целом ее подход к анализу симбиоза истории и политики. В этой связи подчеркивается двойственность роли представлений о прошлом в мировоззрении тори и вигов: «С одной стороны, политические взгляды определяли оценку и интерпретацию давних событий; с другой – их интерпретация превращалась в значимый компонент политических принципов и представлений, определяла позиции обеих сторон в политической дискуссии» (с. 65).

В краткой рецензии невозможно равным образом представить все результаты многолетнего исследования, которые нашли отражение в рецензируемой книге, но считают необходимым привлечь внимание еще к нескольким принципиально важным моментам. Несомненное достоинство исследования М.П. Айзенштат – широчайший круг и разнообразие привлеченных источников; это тексты, давно включенные в научный оборот, но их использование в исследовательской практике, как правило, ограничивалось предметным полем традиционной политической истории или историей идей, а в данном случае они были мобилизованы на решение иных познавательных задач, и их новое прочтение ярко высветило роль представлений англичан о прошлом в их настоящем второй половины XVIII века, способы использования исторических образ-

цов и «уроков прошлого» в общественном поведении, исторической аргументации в законотворческой и политической деятельности, отношении к античной и средневековой истории, а также к не столь отдаленному прошлому – в повседневной жизни.

Сквозь призму поставленных задач с особой тщательностью выполнен анализ парламентских прений в сессиях 1754 (с. 110-124), 1770 (с. 167-175), 1790–1791 гг. (с. 191-206) и др. В целом убедительно показано, как опора законодательного органа на прецедентное право и силу традиций востребовала систематические обращения к прошлому страны в парламентской риторике. При этом с конца 1780-х гг. события в самой Британии и на континенте, определившие содержание политической полемики, стимулировали использование исторических экскурсов (как параллелей, так и противопоставлений) в аргументации ораторов.

Приведу в качестве красноречивого примера анализ обсуждения в Палате общин в 1791 г. петиции с требованием отмены Тест-актов, ограничивавших права жителей Шотландии пресвитерианского вероисповедания. Эти дебаты, помимо всего прочего, вызвали обращение к противоречивой ситуации времени заключения Унии (1707), которая была, естественно, интерпретирована в соответствии с новыми условиями. Лидер вигов Чарльз Фокс, оценил заключение договора об Унии как дело взаимовыгодное, но поспешное, поскольку «сложная обстановка» не позволила в тот исторический момент «провести открытую дискуссию» и выявить все соображения, которые следовало принять во внимание при выработке статей договора. Описывая обстоятельства, которые заставили тогда Лондон поспешить с заключением Унии, Фокс последовательно перечислил нападки на Церковь Шотландии, роль политики Карла I и Якова II, наконец, римских католиков, однако, даже не упомянул о притязаниях Стюартов на шотландский престол и об отказе шотландского парламента утвердить Акт о престолонаследии, который предусматривал восшествие на престол Ганноверской династии. Нельзя отрицать очевидное: «в выступлении Фокса конкретная политическая обстановка и цель оправдания политики вигов обусловили преувеличение одних обстоятельств и умолчание о других, не менее важных» (с. 201-202). Исторические экскурсы в парламентской риторике отличались целесообразностью и прагматизмом, диктовались позицией депутата в поле «партийной» политики.

Показательно, что разбор прений в дебатах сессий 1791 г. продемонстрировал не столько использование фальсификаций, сколько приемы акцентирования полезных примеров и значимых «фактов» или, напротив, сознательных умолчаний о фактах нежелательных. Важным представляется и вывод о том, что разноречивые интерпретации прошлого разделяли не только противоположные политические силы вигов и тори, но приводили также к «внутрипартийным» размежеваниям, как, например, в оценках революционных событий во Франции (с. 206).

Особое место в рецензируемой монографии занимают два небольших по объему раздела «Прошлое в повседневной жизни виггов» (с. 88-102) и «Новации в сообществе историков» (с. 150-158), построенные главным образом на результатах целенаправленного поиска следов «присутствия» прошлого в повседневности настоящего (М.П. Айзенштат пишет о «погружении в историю» благодаря среде обитания и силе традиций¹¹), а также прямых и косвенных свидетельств об отношении к истории и ее морально-нравственной функции в переписке графа Честерфилда¹², Уильяма Питта-старшего и политика-публициста Филиппа Френсиса, автора анонимных «Писем Юниуса».

Как родители или опекуны представляли себе место и роль исторических знаний в общем образовании и воспитании детей, а также их значение для будущей успешной карьеры юных отпрысков аристократических семейств? Ответы на эти вопросы автор монографии находит в богатом эпистолярном наследии британских государственных деятелей, известных политиков и выдающихся интеллектуалов эпохи Просвещения. А рассмотрение «под микроскопом» обширной корреспонденции Хораса Уолпола позволяет восстановить его многочисленные контакты с историками и сообществом антиквариев, а также пути распространения информации о книжных новинках и журнальных рецензиях в этой сети коммуникаций.

В книге столь же убедительно показана ключевая роль прессы, газет и ежемесячных журналов (вкуче с совершенствованием почтовой службы) в развитии политической культуры британского общества второй половины XVIII века (с. 158-165), и речь идет не только о регулярных публикациях, которые освещали парламентские дебаты по ключевым вопросам и принимаемые по ним решения, но также о рецензиях на исторические сочинения и об устойчивом росте объема публикаций исторических очерков, главным образом биографических эссе («портретов»), выполненных в дидактическо-морализаторском стиле.

Чтение книги стимулирует размышления над более общими проблемами, имеющими значение для углубления наших знаний о разных аспектах и факторах формирования исторической культуры.

Во-первых, возникает вопрос о специфике практик историописания, в которых отобранные «факты» прошлого изображаются в соответствии с господствующей в обществе (или в данной социальной группе) оптикой, на основе интерпретации и репрезентации исторических событий значимых для этого общества в его настоящем¹³.

Следует отметить, что представленный в монографии материал и сделанные автором интересные наблюдения дают возможность понять

¹¹ Имеются в виду как семейные традиции, так и традиции родного графства.

¹² См. об этом также: Лабутина, Ильин 2012.

¹³ Данная проблема была недавно подробно исследована как на материале истории Великобритании раннего Нового времени, так и в компаративном ключе. См.: Прошлое для настоящего... 2020.

некоторые пути мифологизации не только отдаленного, незапамятного прошлого, но даже представлений об относительно недавно пережитом травматическом опыте крупных социально-политических трансформаций, вызвавших радикальную смену идейно-ценностных ориентиров социума. В этом плане обращает на себя внимание вывод о том, что «вера в существование в прошлом древней конституции и древних прав народа легла в основу зарождавшейся радикальной мысли и радикального движения, поставивших вопрос о парламентской реформе и возвращении тем самым народу его древних прав» (с. 208).

Во-вторых, в монографии убедительно показаны конкретные ситуации и способы использования исторических мифов в политической практике и риторике, однако, на мой взгляд, в перспективе дальнейших исследований потребуются уточнить довольно расплывчатую формулировку вывода относительно факторов исторического мифостроительства и роли социально-политических размежеваний в этом процессе. Представляется, что это можно сделать, если привлечь в гораздо большем масштабе материал более ранних эпох, прежде всего средневековых исторических сочинений и трудов антиквариев эпохи Возрождения¹⁴, в которых формировались в своей основе образы прошлого, послужившие впоследствии своеобразным «сырьем» для конструирования и идеологической «привязки» политических мифов Нового времени. Думаю, что изучение вопроса о том, как в разных контекстах пространства и времени формируется идеологический конструкт, трактующий события прошлого в интересах властной элиты или соперничающих политических группировок внутри нее, откроет еще немало интересного.

Рецензируемый труд, в котором актуальная проблематика исторической культуры и социальной памяти позиционирована на пересечении предметных полей политической, институциональной, интеллектуальной и социокультурной истории Британии второй половины XVIII столетия, намечает новые пути для дальнейших исследований в этом направлении на материале других стран и эпох.

БИБЛИОГРАФИЯ/REFERENCES

- Айзенштат М.П. Историческое знание в политической культуре Британии второй половины XVIII века. М.: ИВИ РАН, 2019 (а). 190 с. [Ajzenshtat M.P. Istoricheskoe znanie v politicheskoy kul'ture Britanii vtoroj poloviny XVIII veka. M.: IVI RAN, 2019 (a). 190 s.]
- Айзенштат М.П. Историки Британии в середине XVIII века (по письмам Х. Уолпола) // Диалог со временем. 2016. Вып. 57. С. 107-115 [Ajzenshtat M.P. Istoriki Britanii v seredine XVIII veka (po pis'mam H. Uolpola) // Dialog so vremenem. 2016. Vyp. 57. S. 107-115].
- Айзенштат М.П. История в воспитании подрастающего поколения Британии XVIII века // Диалог со временем. 2019(б). Вып. 67. С. 315-322 [Ajzenshtat M.P. Istoriya v vospitani-i podrastayushchego pokoleniya Britanii XVIII veka // Dialog so vremenem. 2019(б). Vyp. 67. S. 315-322].
- Айзенштат М.П. Власть и общество Британии 1750–1850 гг. М.: ИВИ РАН, 2009. 398 с. [Ajzenshtat M.P. Vlast' i obshchestvo Britanii 1750–1850 gg. M.: IVI RAN, 2009. 398 s.]
- Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М.: Мысль, 1987 [Barg M.A. Epohi i idei. Stanovlenie istorizma. M.: Mysl', 1987].

¹⁴ См. об этом, напр.: Прошлое для настоящего... 2020: 217-239.

- Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М.: Языки славянской культуры, 2002. 494 с. [Gene B. Istoriya i istoricheskaya kul'tura srednevekovogo Zapada. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2002. 494 s.]
- Лабутина Т.Л., Ильин Д.В. Английское Просвещение. Общественно-политическая и педагогическая мысль. СПб.: Алетейя, 2012. 264 с. [Labutina T.L., Il'in D.V. Anglijskoe Prosveshchenie. Obshchestvenno-politicheskaya i pedagogicheskaya mysl'. SPb.: Aleteja, 2012. 264 s.]
- Прошлое для настоящего: история-память и нарративы национальной идентичности: коллективная монография / Авторы: Васильев А.Г., Высокова В.В., Заиченко О.В., Ионов И.Н., Кирчанов М.В., Маловичко С.И., Репина Л.П., Щелчков А.А. / Под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2020. 464 с. [Proshloe dlya nastoyashchego: istoriyaramyat' i narrativy nacional'noj identichnosti: kollektivnaya monografiya / Avtory: Vasil'ev A.G., Vysokova V.V., Zaichenko O.V., Ionov I.N., Kirchanov M.V., Malovichko S.I., Repina L.P., SHChelchokov A.A. / Pod obshch. red. L.P. Repinoj. M.: Akvilon, 2020. 464 s.]
- Репина Л.П. Историческая культура как предмет исследования // История и память: историческая культура Европы до начала нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Круть, 2006. С. 5-18 [Repina L.P. Istorieskaya kul'tura kak predmet issledovaniya // Istoriya i pamyat': istoricheskaya kul'tura Evropy do nachala novogo vremeni / Pod red. L.P. Repinoj. M.: Krug", 2006. С. 5-18].
- Тишков В.А. Историческая культура и идентичность // Уральский исторический вестник. 2011. № 2 (31). С. 4-16 [Tishkov V.A. Istorieskaya kul'tura i identichnost' // Ural'skij istoricheskij vestnik. 2011. № 2 (31). S. 4-16].
- Rüsen, J. Was ist Geschichtskultur? Überlegungen zu einer neuen Art, über Geschichte nachzudenken // Historische Faszination. Geschichtskultur heute / Füßmann K., Grütter H.T., Rüsen J. Köln: Böhlau, 1994. S. 3-26.
- Woolf D. The Social Circulation of the Past: English Historical Culture 1500–1730. Oxford: Oxford University Press, 2003. 440 p.
- Woolf D. A High Road to the Archives? Rewriting the History of Early Modern English Historical Culture // Storia della Storiografia. 1997. № 32. P. 33-59.

Репина Лорина Петровна, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; ведущий научный сотрудник, Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет; lorinarepina@yandex.ru

Events of the Past in the Discussion of the Present History and Politics in Britain in the “Age of Change”

The turn of the XX–XXI cc. was marked by the emergence of the “memorial paradigm”, within which images of the past act as interpretive models that allow an individual and a social group to navigate in situations of the present. The researchers focused on the relationship between memory and identity, historical consciousness and “historical politics”. The task is to include in the actual perspective of the “history of memory” specific studies of the historical and political culture of modern times. From this position, the author reflects on a new book by the well-known Russian historian and English scholar Marina Aizenshtat, dedicated to the role of myths and knowledge about the past in the political culture of Britain in the second half of the 18th century.

Keywords: Britain, XVIII century, images of the past, historical culture, power, opposition, parliamentary polemics, press, political culture

Lorina Repina, Associate Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. (History), Professor, Chief Researcher, Institute of World History, RAS; Leading Researcher, Ural Federal University, Yekaterinburg; lorinarepina@yandex.ru